

**Г. В. Стадников**

доктор филологических наук,  
профессор Российского  
государственного  
педагогического университета  
им. А. И. Герцена

**РОМАН ГЁТЕ****«СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА»****В ПЕРВЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ  
И ТВОРЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ**

Copyright © 2013, Г. В. Стадников \*

Самым популярным произведением Гёте в России в последних десятилетиях XVIII века — начале XIX столетия был роман «Страдания юного Вертера». Некоторое время даже было принято заменять имя Гёте краткой формулой «автор Вертера». К тому же и само имя Вертера в русской периодической печати появилось раньше, чем имя его создателя. В «Прибавлениях» к «Санкт-Петербургским ведомостям» от 18 сентября 1780 года переводчик романа, сохраняя инкогнито, извещал, или скорее предупреждал, собратьев по перу «Трудящихся в переводе книг с иностранных языков на российский сим объявляется, что книга “Die Leiden des jungen Werther”, т. е. “Страдания молодого Вертера” уже переводится и отдана в печать». Спустя пять месяцев книга увидела свет. Однако ни автор романа, ни переводчик указаны не были. Впоследствии стало известно, что первым, кто познакомил русского читателя с романом Гёте, был переводчик Академии наук Ф. Галченков. Перевод этот был очень несовершенным. Однако в последующие пятьдесят лет он оставался единственным русским переводом романа. С тем, правда, исключением, что в последующих изданиях в качестве лица, «исправившего перевод», называл себя И. Виноградов. Однако исправления были минимальными и ничего принципиально нового не внесли в первоначальный текст. Печатался «Вертер» и с присовокуплением «Писем Шарлотты к Каролине, написанных во время знакомства с Вертером». Эта книга, рожденная в Англии, на русский была переведена с французского.

В те же годы трудился над переводом романа член «Дружеского литературного общества» Андрей Тургенев. Принимал участие в этой работе известный в те годы литератор А. Ф. Мерзляков. Перевод этот не был опубликован, за исключением небольшого фрагмента — письма Вертера от 10 мая в переводе А. Тургенева под названием «Письмо к другу» в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», 1798, ч. 19. В 1829 году появился перевод Н. М. Рожалина, достаточно близко передающий дух оригинала. Сам переводчик по чертам своего характера напоминал героя романа и даже получил прозвище «московский Вертер».

Роман Гёте не только привлек внимание русских переводчиков, но и вызвал к жизни целый ряд оригинальных произведений в стихах и прозе. В них воспроизводились основные мотивы романа, но в переложении на русские нравы.

Роман Гёте «Страдания юного Вертера» пришел к русскому читателю в пору расцвета сентиментализма<sup>2</sup>, когда книга в жизни литературного героя играла совершенно особую роль<sup>3</sup>.

Причем в руках «чувствительного героя» этой книгой нередко была именно «Страдания юного Вертера». Сошлемся на два примера. По классической схеме сентиментального повествования строится сюжет повести А. Клушина «Несчастный М.» (1793), в последующем издании «Вертеровы чувствования» (1802). Герой повести «нежный стихотворец с чувствительным сердцем» приглашен в качестве учителя к девушке из знатной семьи. Молодые люди страстно влюблены. Но суровый и непреклонный отец героини решительно выступает против этого союза. И тогда «несчастный М.» погружается в «бездну уныния»: «...глубокая меланхолия иступила его чувствования, он переродился совершенно. Вертер и портрет Софии не выходили из рук его; чтение первого увеличивало движение души его и делало несносными его несчастья»<sup>4</sup>.

В книге К. Горчакова «Плами́р и Раи́да: Российская повесть» влюбленные долго не могут объясниться друг с другом. Но вот однажды Плами́р застаёт Раиду за чтением «Вертера», который «тогда только вышел». Раи́да просит Плами́ра продолжить чтение книги. Под влиянием романа Гёте, в котором «все оттенки чувствования были выражены со всей точностью», происходит решающее объяснение героев. «По окончании одного периода, где автор изображал весь огонь пылающей любви, Плами́р остановил взгляд на Раиде. Взоры их встретились, и взаимное чувство, подобно электрической искре, мгновенно из одного в другого пересилились и сотрясло... сердца их»<sup>5</sup>.

На примере этих, как и ряда других книг, видно, что роман Гёте служил раскрытию сентиментальных переживаний литературных героев. Причем под влиянием «скептического вольнодумства» французского Просвещения некоторые толкователи и подражатели романа выступили с апологией самоубийства. Достаточно указать на книгу М. Сушкова «Российский Вертер». Герой этой повести — молодой человек «пылкого сложения, чувствительного сердца», — как Вертер, добровольно уходит из жизни. Причем сам автор книги, повторяя судьбу литературного героя, совершил самоубийство<sup>6</sup>.

Подобное восприятие книги у некоторых читателей и критиков вызвало резкую критику (Н. Карамзин,

\* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-04-00234а «И. В. Гёте в русской словесности, литературной критике и культуре»

А. Никитенко). Но в подавляющем большинстве отношение к роману было сочувственным и даже восторженным. Причем для всех: и критиков романа, и его безоговорочных поклонников — Вертер и история его любви рисовались исключительно в сентиментально-меланхолических тонах.

Наступил XIX век, век романтизма, а затем реализма, но Вертер продолжал в основном восприниматься чувствительным героем уже ушедшей в прошлое эпохи сентиментализма. Показательна запись в дневнике В. Кюхельбекера, помеченная 10 сентября 1834 года Роман Гёте Кюхельбекеру нравился, в книге он находил «пропасть поэтической жизни», но главного героя воспринимал в традиционно сентиментальном свете, замечая: «Жаль только, что Вертер много хнычет»<sup>7</sup>.

В середине XIX века роман Гёте и его герой стали предметом пародий. Таковыми были повести «Страдания Санкт-Петербургского Вертера» (1847), «Самоубийство» (1848). Причем объектом пародирования был Вертер, понятый как тип плаксиво-чувствительного героя.

Вернемся, однако, к первым десятилетиям XIX века. В октябре 1824 года в Михайловском А. С. Пушкин завершил третью главу «Евгения Онегина». В девятой строфе этой главы названы литературные герои, которые для «мечтательницы нежной» Татьяны Лариной слились в единый образ Онегина. Вот эти строки:

Теперь с каким она вниманьем  
Читает сладостный роман,  
С каким живым очарованьем  
Пьет обольстительный обман!  
Счастливой силою мечтанья  
Одушевленные создания,  
Любовник Юлии Вольмар,  
Малек-Адель и де Линар,  
И Вертер, мученик мятежный,  
И бесподобный Грандисон,  
Который нам наводит сон<sup>8</sup>.

Рассмотрим детально данный фрагмент романа А. Пушкина. Первыми названы персонажи романа Руссо «Новая Элоиза» — Юлия и ее супруг Вольмар. Названы безоценочно, что, возможно, объясняется неоднозначным отношением Пушкина к французскому писателю. Из лица Пушкин вынес взгляд на Руссо как образцового классика, но постепенно это мнение корректировалось критическим отношением к автору «Новой Элоизы». В начале XIX века роман Руссо уже во многом утратил свою былую популярность. И об этом косвенно свидетельствует то, что в собственных примечаниях к этой главе Пушкин напомнил читателям, о героях какого романа идет речь: «Юлия Вельмар “Новая Элоиза”» (V, 167).

Далее также безоценочно названы: Малек-Адель — герой в то время популярного романа французской писательницы Марии Коттен (1770–1807) «Матильда, или крестовые походы» (1805) и Линар — персонаж романа Юлии Крюднер (1764–1824) «Валери, или Письма Гюстава де Динара к Эрнесту де Ге» (1803). Относительно этих книг у Пушкина было мнение не во всех отношениях сходное с пред-

ставлениями своей героини, и он это пояснил в своих комментариях: «Малек-Адель — герой посредственного романа М-е Götting, Густав де Линар — герой прелестной повести баронессы Крюднер» (V, 167). Столь высокая оценка книги Крюднер не случайна. Пушкин прочел этот роман с большим вниманием: два тома на французском, хранящиеся в библиотеке поэта, содержат множество подчеркнутых строк. Собранные вместе — как это доказывает в одной из своих работ Л. Вольперт, — они складываются в любовное письмо, адресованное А. П. Керн<sup>9</sup>.

В самой же строфе характеристика дана лишь двум героям: Грандисону и Вертеру.

Едва ли следует сомневаться в том, что характеристика Грандисона отражает лишь авторское мнение. Ведь персонаж этот входил в круг тех литературных героев, которых влюбленная Татьяна взаимосвязывала с идеальным в ее воображении образом Онегина. А следовательно, ироническая оценка Грандисона с ее стороны исключалась. Что же касается автора «Евгения Онегина», то чтение романа Ричардсона, — а один из них, «Клариссу Гарлоу», он читал в Михайловском в конце 1824 года, именно когда завершал третью главу своего романа, — у него вызывало нестерпимую скуку. Это впечатление от романа Ричардсона, столь явно расходившееся с мнением чувствительных барышень, покоренных безупречным во всех отношениях героем, Пушкин и высказал: «И безупречный Грандисон, который нам наводит сон». Причем словом «нам» как бы отграничил свое ироническое суждение от мнения героини.

И наконец предельно лаконичная характеристика героя Гёте «мученик мятежный», явно отличная от традиционного восприятия Вертера. Доподлинно известно, что «Вертер» был знаком А. Пушкину по книге Жермены де Сталь «О Германии», однако не исключено и его прямое знакомство с романом Гёте. И, конечно же, Пушкин, посвященный во все проблемы современной литературной жизни, знал, в каком ключе традиционно интерпретируется тема «Вертера». Известна и конкретная реакция Пушкина на один из фактов сентиментальной трактовки мотивов «Вертера». Речь идет о книге А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В главе «Клин» Радищев рассказывает о слепом певце, который пел народную песнь об Алексее божьем с таким проникновением, что плакал сам и «возрыдали» его слушательницы. Плакал и сам автор, замечая при этом, что «слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером»<sup>10</sup>. Путешественник подарил старцу платок и впоследствии узнал, что безвестный певец, заболев перед смертью, надел на шею этот платок и с ним положили его во гроб<sup>11</sup>.

Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург», комментируя этот эпизод, замечает: «Имя Вертера, встречаемое в начале статьи, поясняет весь этот рассказ, неестественный и пошлый»<sup>12</sup>.

Отрицательный отзыв Пушкина об эпизоде, сентиментально-меланхолический тон которого по устойчивой традиции был усилен ссылкой на

роман Гёте, возвращает нас к характеристике Вертера — «мученик мятежный».

И теперь важно уточнить, в каком значении два вышеназванных слова обычно употреблялись Пушкиным.

В зависимости от контекста, слово «мятежный» выступает у Пушкина в двух значениях. В сочинениях, связанных с историческим материалом («История Пугачева», «Капитанская дочка»), слово «мятеж», «мятежный» обозначает деяния, вносящие в общество раздор и смуту. В этом значении слово содержало негативную оценку.

Но это же слово употреблялось и при характеристике внутренней жизни человека, мира его чувств. По пословице «Страсти мятут душу»<sup>13</sup>.

В этом случае в слове доминировало позитивное начало. Так, «мятежной» названа юность Онегина (V, 9) и воображение Татьяны Лариной: «...от небес одарена воображением мятежным» (V, 57). «Мятежной» характеризуется жизнь Овидия, поэта не просто любимого Пушкиным, но и лично близкого своей судьбой. Эту близость Пушкин особенно чувствовал в годы южной ссылки. В стихотворении, обращенном к римскому поэту («К Овидию»), есть строки: «Я сердцем следовал, Овидий, за тобой /... Я повторил твои, Овидий, песнопенья» (II, 62–63). А в «Евгении Онегине» как бы в проекции на собственный жизненный путь, пророчески сказано: «За что страдальцем кончил он свой век блестящий и мятежный» (V, 11). В стихотворении «Чаадаеву» (1821), где в первых строках упомянут Овидий, говорится о «мятежной молодостью утраченных годах» (I, 47), в стихотворении «Наперсник» о страстях «безумных и мятежных» (III, 67). Именно в таком значении слово было обращено к Вертеру, отменяя сентиментально-меланхолические ноты в его характеристике. Тем самым образ Вертера взаимосвязывался с типом романтического героя, бурные чувства которого были полны мятежной силой.

Более однозначно по смыслу своего употребления слово «мученик». Согласно Далю, оно традиционно употреблялось в позитивном смысле. Слово характеризует того, «кто в муке, кого мучат. Церковь именует так потерпевших до смерти за Христа»<sup>14</sup>.

Заметим, что слово «мученик» не часто употребляется Пушкиным. Лишь в ранней лирике есть ряд примеров, когда это слово имеет шутливый оттенок. Так, к примеру, в незавершенной поэме «Бова» (1814), где служанка Зоя, увидев призрак, восклицает: «Что я вижу! Боже! Господи! О Никола Саава мученик!» (I, 61). Или стихотворение «Тень Фонвизина» (1815), где «божим мучеником» назван поэт Д. И. Хвостов, объект неоднократных насмешек Пушкина (I, 141). Но это исключения. Обычно это слово Пушкин употребляет в безоговорочно позитивном смысле. Явное сочувствие слышится в строках Пушкина, когда он говорит о «мученике ошибок славных», французском короле Людовике XVI, сложившем голову на «Кровавой плахе вероломства» («Ода Вольность», 1817 (I, 284)<sup>15</sup>, или о станционном смотрителе — «сущий мученик четырнадцатого класса» (VI, 88–89).

Но особенно важно отметить, что слово «мученик» не раз характеризует Байрона: «...поэт мучительный и милый» (II, 107); Байрон — «мученик суровый» (III, 53). Можно предположить, что именно по ассоциации с Байроном и его типом героя и появляются слова «мученик мятежный» в характеристике Вертера.

Таким образом, пушкинская характеристика Вертера, которая отражала и представление героини романа — Татьяны Лариной, оспаривала уже прочно сложившуюся трактовку героя Гёте. Пушкин акцентировал внимание не на чувствительности и меланхоличности героя Гёте, а, напротив, увидел в Вертере личность, способную на бурное, активное утверждение своего чувства (мятежный), личность, вызывающую не слезную жалость, а горделивое уважение (мученик).

Так Вертер, который, казалось бы, безоговорочно вписался в контекст литературы русского сентиментализма, предстал в ином свете: он обрел черты, свойственные романтическим героям байронического типа.

В свете этого пушкинская строка стала своеобразной вехой в осмыслении героя Гёте, обозначив особый этап «русской Вертерианы».

## Примечания

- 1 Сиповский В. В. Влияние «Вертера» на русский роман XVIII в. // ЖМНП. 1906. № 1. С. 52–106; он же: Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. X; Берков П. Н. К истории первоначального знакомства русского читателя с Гёте // Гёте. 1832–1932. Доклады, прочитанные на торжественном заседании в память Гёте 26 и 30 марта 1932 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 98–107; В. М. Жирмунский. Гёте в русской литературе. Л., 1981.
- 2 Первый русский перевод романа Гёте «Страдания юного Вертера» вышел в 1781 г., последующие издания — 1794, 1796 гг.
- 3 См.: Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. Чтение в жизни «чувствительного героя» // XVIII в. Сб. 14. Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983.
- 4 Вертеровы чувствования, или Несчастный М. Оригинальный анекдот. В Санкт-Петербурге, в типографии государственной медицинской коллегии, 1802. С. 54.
- 5 Пламир и Раида. Российская повесть. Сочинение К. Д. Горчакова. М., в университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1796. С. 27.
- 6 Российский Вертер. Полусправедливая повесть, оригинальное сочинение М. (Сушкова), молодого чувствительного человека, несчастным образом прекратившего свою жизнь. СПб., 1801.
- 7 Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 332; Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 5. С. 51. В дальнейшем при ссылке на это издание том и страница указываются в тексте.
- 8 Евгений Онегин.
- 9 Вольперт Л. И. Загадки пушкинской библиотеки: объяснение в любви А. П. Керн // Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. М., 1998. С. 60–85.
- 10 Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 110–111.
- 11 Там же. С. 112.
- 12 Пушкин А. С. ПСС. М.: Изд. АН СССР, 1937. Т. 11. С. 234.
- 13 Даль В. Толковый словарь великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 978.
- 14 Даль В. Толковый словарь... Т. 2. С. 950.
- 15 «Пушкин осуждал казнь короля, а “революционный суд” рассматривал как вероломное нарушение закона» (Скатов Н. Русский гений. М., 1887. С. 120).